

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СИНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печати листовъ, 3 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою во все города Имперіи. — За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Подписка въ рассрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій просецъ, домъ № 18.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ (18-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА“

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СИНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Кромѣ официальной части, въ журналѣ помѣщаются слова, рѣчи и внѣбогослужебныя бесѣды, статьи и замѣтки по вопросамъ богословскимъ, церковно-историческимъ и проч., историко-статистическія свѣдѣнія о церквахъ военно-морскаго вѣдомства, воспоминанія объ отличившихся на вой-

нахъ полковыхъ священникахъ и вообще герояхъ-воинахъ, поучительныя свѣдѣнія о духовно-просвѣтительной дѣятельности военнаго духовенства, библиографическія замѣтки, некрологи и проч..

О выходѣ этого изданія объявлено въ циркулярахъ Главнаго Штаба 10-го декабря 1891 года за № 224, 1892 г. № 254, 1893 г. № 287, 1894 г. № 254 и 1903 г. № 235.

Цѣна годового изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе двухъ печатныхъ листовъ, три рубля, съ доставкою и пересылкою. Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи О. Протопресвитера военнаго и морского духовенства (С.-Петербургъ, Воскресенскій просп., № 18).

Продолжается подписка на еженедѣльный духовно-нравственный и патриотическій журналъ

„ДОВОРОЕ СЛОВО“

Знамя журнала: За Вѣру, Царя и Отечество! Направленіе строго христіанское на основѣ христіанской любви и терпимости. Ближайшая задача «Добраго Слова»: укрѣплять религіозное чувство, располагать къ неослабному памятованію служебнаго долга и присяги, развивать любовь и праданность къ Престолу и Отечеству.

Цѣна въ Россіи за годъ съ доставкою и пересылкой 2 руб., полгода 1 р. 30 коп., 3 мѣсяца 80 коп., 1 мѣсяць 30 коп., отдѣльно 5 коп., за экземпляръ.

Подписка принимается въ магазинѣ Главнаго Штаба (Невскій пр., д. 4). «Новаго Времѣни» (Невскій пр., 40). И. Л. Тузова (Садовая. Гост. дв., № 45), Вѣра и Знаніе (Невскій пр., 119).

Съ 1-го Сентября сего года въ Москвѣ будетъ издаваться новая политическая, церковная, педагогическая, общественная и литературная газета

“СЛАВЯНИНЪ”.

Газета ставитъ своею задачею защиту коренныхъ устоевъ, на которыхъ созидалась тысячелѣтняя исторія русскаго народа и послужить духовно-нравственнымъ интересамъ русскаго общества.

Каждый номеръ газеты будетъ содержать подробный обзоръ всѣхъ выдающихся и интересныхъ событій какъ столичной, такъ и провинціальной жизни, а равно всѣ административныя новости и выдержки интересныхъ статей изъ газетъ и журналовъ, что дастъ возможность провинціальнымъ читателямъ не просматривать ежедневныя газеты и въ то же время слѣдить за событїями текущей жизни.

Программа газеты: Правительственныя сообщенїя, передовыя статьи политическаго, церковнаго, педагогическаго, общественнаго и экономическаго характера, печать (обзоръ газетъ, журналовъ и брошюръ), заграничныя извѣстїя, разныя извѣстїя, хроника, послѣднїе слухи, провинція, корреспонденція, фельетонъ и объявленїя.

Газета выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца. Годъ начинается 1-го сентября 1906 года и кончается 1-го сентября 1907 года. Цѣна на годъ съ доставкой въ Москвѣ 1 рубль, а съ пересылкой во весь городъ Россїи 1 р. 25 коп.

Адресъ редакціи: Москва, Малая Царицынская улица, домъ Абаева, кв. № 48.

Содержаніе перваго номера: передовая статья; всеобщее обученіе какъ опора масонства; отвѣтъ московскимъ пастырямъ на извѣстный протестъ 18-го октября; попечительство народной трезвости въ роли подготвителя революціи; печать (обзоръ газетъ); ходынка 18 го мая (быль); заграничныя извѣстїя; послѣднїя извѣстїя; хроника; послѣднїе слухи; провинція (отъ нашего корреспондента) и объявленїя.

Редакторъ-издатель *Святославскій*.



ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Объ истинной свободѣ¹⁾.

Познайте истину, и истина сделаетъ васъ свободными. (юан. 8, 32).

Задумываясь надъ бурными событіями нашего времени, невольно приходишь къ тому заключенію, что многіе, добиваясь свободы, производятъ возмутительныя насилія надъ свободой.

Вопіютъ объ отмигнѣ смертной казни,—и безъ числа убиваютъ почему-либо неугодныхъ извѣстнымъ реформаторамъ лицъ. Болѣютъ гражданской скорбью о народномъ разореніи—и сплошными забастовками и грабежами вовлекаютъ народъ въ пучину невообразимыхъ бѣдствій. Жалуются на обую явную всѣхъ «власть тьмы»—и насильственно гасятъ свѣтъ всякаго знанія. Возмущаются страшнымъ упадкомъ органа моральнаго обновленія «—и глутъ до усталости» на церковь и духовенство. Взялись «просвѣщать» народъ—и попираютъ его исконныя святыни. Одушевляются беззавѣтною любовью къ народу—и его же попрекаютъ «черной сотней» за то, что по мѣрѣ прозрѣнія, онъ грудью защищаетъ Вѣру и Государя. Взываютъ къ совѣсти и правдѣ—и сами отрекаются отъ той и другой. Не вѣрятъ правительственнымъ сообщеніямъ—и гнусной ложью подрываютъ всякое довѣріе къ печатному слову. Настаиваютъ на правовомъ порядкѣ—и стремглавъ несутся къ анархіи. Выступаютъ на защиту слабыхъ и угнетенныхъ—и вооружаютъ кинжалами школьныхъ дѣтей»...

Дальше идти, кажется, некуда! Спрашивается: что же такое «свобода»? Установить правильное и точное понятіе о свободѣ необходимо, особенно теперь, когда многіе стремятся къ свободѣ, но къ сожалѣнію, имѣютъ совершенно превратный взглядъ на нее и оправдываютъ ею свои дурныя желанія и наклонности.

Свобода, это великій даръ Божій, служащій основаніемъ нашего стремленія и постепеннаго приближенія къ тому высшему совершенству, къ которому призываетъ насъ Господь говоря: «будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» (Мѡ. 5, 48). Свобода условливаетъ собою все нравственное преуспѣяніе людей въ жизни частной и общественной.

¹⁾ «Гродн. Епарх. Вѣд.» 1906 г. № 21 -22, стр. 600.

Отъ правильного ея направленія и развитія зависитъ нравственный характеръ чловѣка, ревностное исполненіе возложенныхъ на него обязанностей, его благотворное служеніе на пользу общества и государства, а также и всё его достоинство.

Въ цѣляхъ уясненія надлежащаго понятія о свободѣ, необходимо также обратить вниманіе на разстройство чловѣческой природы, происшедшее отъ грѣхопаденія прародителей. Грѣховная порча такъ глубока и всеобща, что, по слову Св. Писанія, всё мы «въ беззаконіи зачинаемся и въ грѣхѣ рождаемся» (исл. 50, 7). По мѣрѣ нашего возрастанія, растутъ въ насъ наши грѣховныя наклонности и страсти, которыя оказываются настолько сильными, что безъ помощи Божіей мы не въ состояніи ихъ уничтожить. Такое разстройство природы чловѣческой ясно и живо сознается и чувствуется всякимъ здравомыслящимъ, честнымъ и хотя сколько нибудь надъ собой наблюдающимъ чловѣкомъ.

Между тѣмъ грѣхопаденія, разстройства и порчи природы чловѣческой и неохотятъ знать тѣ искатели свободы, которые понимаютъ ее въ смыслѣ ничѣмъ не снимаемаго избранія того, что всякому правится и хочется и къ чему располагаютъ естественныя наклонности и привычки каждаго чловѣка. Они полагаютъ законнымъ и справедливымъ все, что есть въ падшемъ чловѣкѣ, всё его инстинкты и желанія, какъ бы они ни направились. Въ такомъ случаѣ, почему не назвать истинно свободными вообще всѣхъ беззаконниковъ и преступниковъ, когда они дѣлаютъ то, къ чему располагаютъ ихъ грѣховныя склонности и страсти? Не справедливѣ ли однако было бы сказать, что всѣ эти люди суть рабы своихъ страстей и пороковъ (Іоан. VII, 34), не пользующіеся богодарованной имъ свободой? Свобода чловѣка вовсе не состоитъ въ безпрепятственномъ удовлетвореніи нашихъ страстей — грѣховныхъ желаній и прихотей, она вовсе не есть ничѣмъ неограниченный просторъ. Наоборотъ, она есть самообладаніе и господство надъ грѣховными наклонностями. Она состоитъ въ способности и навыкѣ одерживать верхъ надъ послѣдними и поступать всегда согласно съ требованіями закона, долга и справедливости. «Познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными» (Іоан. 8, 32). Истинный характеръ ея есть характеръ борьбы со всѣмъ, что препятствуетъ чловѣку соотвѣтствовать своему достоинству.

При такомъ понятіи о свободѣ само собой ясно, какъ неосновательно и несправедливо мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, будто законными правитель-

ственными распоряженіями стѣсняется наша свобода. Постановленія законной власти и направляются именно противъ личныхъ противозаконныхъ стремленій нашей испорченной природы и побуждаютъ насъ дѣлать то, что требуетъ долгъ и правда. Слѣдовательно, они нисколько не стѣсняютъ нашей свободы, а наоборотъ содѣйствуютъ ей. Свобода, какъ сказано, состоитъ въ способности и навыкѣ господствовать надъ грѣховными страстями нашей падшей природы и стремиться къ дѣятельности, согласной съ требованіями долга и справедливости, а власть и правительственныя распоряженія именно и должны располагать насъ къ такой дѣятельности. Слѣдовательно власть и всѣ узаконенія стѣсняютъ и ограничиваютъ не свободу человѣка, а только злыя и грѣховныя стремленія падшаго человѣка: «князи бо не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ» (Рим. 13, 3). Только при правильномъ пониманіи свободы человѣка и возможны оживленіе и обновленіе жизни въ государствѣ.

Но, чтобы весь организмъ государственной жизни въ полнотѣ обладалъ условіями здоровья и процвѣтанія, чтобы отечество въполнѣ благоденствовало, необходимо каждому члену государства знать и то, какъ должна выражаться въ нашей жизни свобода, какъ мы должны поступать, какъ люди свободные. Св. ап. Петръ даетъ мудрый совѣтъ держаться въ этомъ отношеніи правила, осуществленнаго имъ самимъ. Поступайте, говорилъ онъ, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи. Всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь. Царя чтите» (1 Петр. II, 16—17). Во имя христіанской свободы, каждый изъ насъ долженъ стараться о томъ, чтобы укоренить въ своемъ умѣ и сердцѣ законъ св. Евангелія, устроить свою жизнь согласно съ требованіями христіанской жизни, вѣры и благочестія, развить въ себѣ любовь къ богослуженію и молитвѣ и честно исполнять свои обязанности, требуемые отъ насъ званіемъ и состояніемъ. Обязанности эти мы должны исполнять во имя и ради Господа, съ постояннымъ желаніемъ творить волю Господню. Во имя христіанской свободы никто не долженъ допускать, чтобы его разумъ уступалъ власти надъ собою грѣховнымъ привычкамъ, страстямъ и чувственности. Кому суждено служить на поприщѣ гражданской дѣятельности, тотъ въ силу христіанской свободы, долженъ строго соблюдать законъ, руководиться имъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и отнюдь не извращать его смысла, съ цѣлью прикрыть неправду для какихъ либо своекорыстныхъ цѣлей. Кто не несетъ никакой общественной должности, то свобода требуетъ отъ него, чтобы онъ уда-

ялся праздности и пороковъ, честнымъ трудомъ снискивалъ себѣ пропитаніе и за все благодарилъ Бога. И, наконецъ, если Господь благословилъ кого богатствомъ, то, по требованію христіанской свободы, онъ долженъ быть благотворителемъ бѣдныхъ и съ готовностью участвовать во всякомъ добромъ общественномъ предпріятіи.

Если мы нелицемѣрно и искренно хотимъ служить своему долгу, если желаемъ истиннаго блага своему отечеству, то должны прежде всего утвердить въ себѣ здоровое понятіе о свободѣ, которое есть добровольное подчиненіе себя верховной волѣ Господа, должны свято исполнять обязанности своего званія и состоянія. Не только сами должны поступать такъ, но тоже самое внушать и всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ имѣемъ близкія отношенія. Дѣлать и поступать такъ, особенно необходимо въ настоящее время, когда разными путями разсѣваются ложныя и вредныя ученія, направленныя къ ниспроверженію строя и порядка общественнаго.



Еще о панихидахъ надъ иновѣрцами.

Отвѣтъ проф. прот. Е. Аквилонову на его статью: «о недозволительности служенія православнымъ духовенствомъ панихидъ по усопшимъ иновѣрцамъ-христіанамъ».

(См. «Христ. Чтеніе» м. апрѣля 1906 г., стр. 580—603).

Напечатанный въ № 23 «Вѣстн. Воен. Дух.» за 1905 г., мой отвѣтъ на статью проф. прот. Е. Аквилонова: «Панихиды надъ иновѣрцами» («Церк. Вѣстн.» № 31 и 35 за 1905 г.) вызвалъ выше названную статью о. Е. Аквилонова въ «Христіанскомъ Чтеніи». Здѣсь о. Аквилоновъ полемизируетъ не только со мною, но и съ генераль-маіоромъ П. Малыхинымъ и проф. В. Соколовымъ, помѣстившимъ въ январьской книжкѣ «Богословск. Вѣстника» за текущей годъ обстоятельное изслѣдованіе по поднятому о. Аквилоновымъ вопросу (статья: «Можно-ли и должно-ли намъ молиться въ церкви за усопшихъ инославныхъ?» стр. 1—32). Насъ троихъ оппонентовъ о. Аквилоновъ, по его собственному смѣхотворному выраженію, «впрягаетъ въ литературный возъ...» Очевидно, профессоръ любитъ выѣзжать на чужихъ силахъ, но иное слова и иное—дѣла, и, съ другой стороны, — не велика

слава — «бхать пѣтушкомъ», ибо управлять возомъ полемистъ положительно не умѣетъ: и руки коротки и подслѣповать больно...

Но не будемъ больше отвѣчать прот. Е. Аквилонovu на его остроты; обратимся къ содержанію крайне спутанной статьи, на сколько оно касается насъ, какъ оппонента его по первой статьѣ.

Послѣ краткаго вступленія, въ которомъ авторъ похваляется стойкостью и обдуманностью своихъ взглядовъ а также умѣниемъ потѣшиться ѣздой на тройкѣ оппонентовъ, о. Е. Аквилонovъ выступаетъ съ разсужденіемъ собственно по адресу проф. В. Соколова, занявшимъ почти 4 страницы. Самъ авторъ сомнѣвается въ цѣлесообразности этого разсужденія и мы могли бы его не касаться, если бы авторъ не создалъ изъ него предисылку для заключеній, яко бы опровергающихъ рядъ положеній, выставленныхъ его оппонентами и, между прочимъ, нами. Именно проф. Е. Аквилонovъ, кончивъ свое разсужденіе, пишетъ такъ:

«Недоумѣвающимъ надъ цѣлесообразностью вышеизложеннаго разсужденія и его отношеніемъ къ ближайшему предмету полемики, дѣло объяснится изъ дальнѣйшаго. А пока даже и самый невзыскательный читатель пойметъ, что запретъ въ церкви на счетъ служенія православнымъ духовенствомъ въ храмѣ паннихидъ по усопшихъ инновѣрцахъ христіанахъ отнюдь не представляетъ собою какого то не понятнаго противорѣчія духу и основнымъ требованіямъ христіанства («Бог. Вѣст.», стр. 3) и что совершенно напрасно «люди дѣла» боятся довѣриться логикѣ и взглянуть на него (?) съ принципиальной стороны, что поднявъ вопросъ о ratio legis («В. В. Д.» № 23) эти люди нравственно обязаны были дать себѣ трудъ хоть мало подумать надъ искомымъ ratio и такъ какъ по переводу на греческій языкъ ratio обозначается терминомъ Logos, отъ котораго происходитъ и наша логика (!), то не слѣдовало «тамъ убоиться страха, идѣже не бѣ страхъ» (sic!) (и пр. «Христ. Чт.», стр. 584—585)

Казалось бы между «разсужденіемъ» и приведенными утвержденіями полемиста должна быть крѣпкая логическая связь, а между тѣмъ ничего такого не видно. Разсужденіе свое о. Е. Аквилонovъ начинаетъ съ голословнаго утвержденія, яко бы проф. В. Соколовъ забылъ о, присущемъ понятію о церкви, признаковъ права и порядка. вмѣсто того, чтобы подкрѣпить свои предположенія выдержками изъ труда г. В. Соколова, онъ предпринимаетъ экскурсію въ область протестантскаго новѣйшаго богословія, дѣлаетъ голословные намеки на религіозную неблагонадежность оппонента и, здорово

живешь—на томъ только, повидимому, основаніи, что въ своей обширной статьѣ проф. Соколовъ аппелируетъ и къ нравственному чувству («Бог. Вѣсти.» 1—3; 24; «Хр. Чт.» 583), приписываетъ ему мысль о несомѣстности церковнаго канона (вообще) съ любовью... Похваливъ себя послѣ этого удивительнаго полемическаго подвига за стойкость убѣжденій, которымъ онъ не склоненъ будто бы измѣнять ради мірской славы, о. Е. Аквилоновъ, продолжая защиту мысли о необходимости церковныхъ правовыхъ нормъ и установленій, противъ чего никто изъ оппонентовъ и не думалъ возражать, констатируетъ взаимоотношеніе между нравственною и правовою областями, изъ каковаго (взаимоотношенія) выводитъ (по Вл. Соловьеву) наличность «существенной (?) однородности и внутренней связи самыхъ понятій о нравственности и правѣ»...

Вотъ содержаніе всего «разсужденія» о. Аквилонова. Какимъ образомъ, по какой логикѣ, авторъ его считалъ послѣ этого разсужденія доказаннымъ и «понятнымъ даже для самаго невзыскательнаго (?) читателя», что «запретъ церкви на счетъ... паннихидъ отнюдь не представляетъ противорѣчія основнымъ требованіямъ христіанства», что совершенно напрасно люди дѣла боятся довериться «логикѣ» и взглянуть на что-то или на кого-то съ принципиальной стороны», и проч. (см. привед. выдержку о. Аквилонова),—это едва ли кто разгадаетъ. Очевидно, о. Аквилоновъ не шутилъ, когда въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей писалъ:

«Какъ жаль, что теперешнія разсужденія объ іудейскомъ равноправіи строятся по образцу извѣстнаго примѣра изъ формальной логики: «Все люди смертны». «Кай—человѣкъ» и проч. «Какъ будто разговоръ идетъ о какомъ-то несуществующемъ человѣкѣ, а не о реальномъ «Кай—іудеяхъ!» («Церк. Вѣсти.» № 28 1906 г., стр. 923, ст. «Къ вопросу о равноправіи іудейскаго народа»).

Для живыхъ людей и для живыхъ вопросовъ у нашего критика какая-то, значить, особая логика... Впрочемъ и эта логика далеко не оригинальна, ибо развѣ не по примѣру (изъ трактирной логики, что ли): «рыба любитъ плавать, а потому надо выпить» построено слѣдующее сужденіе проф. Е. Аквилонова, которое выписываемъ дословно:

«Поднявъ вопросъ о ratio legis, эти «люди» нравственно обязаны были дать себѣ трудъ хоть мало подумать надъ искомымъ ratio и такъ какъ по переводу на греческій языкъ ratio обозначается терминомъ Logos, отъ котораго происходитъ и наша логика, то не слѣдовало «тамо убоя-

тиса страха идѣже не бѣ страхъ» и лучше бы не выдумывать странную небылицу о «подрывѣ религиознаго чувства какими то каноническими правилами (ст. П. Молюхина, стр. 43)... (См. «Христ. Чтен.» стр. 585).

И вотъ по такой, очевидно, своеобразной логикѣ приписываютъ намъ лично: боязнь довѣриться логикѣ, боязнь взглянуть на поминовение инославныхъ съ принципиальной стороны и нежеланіе уяснить себѣ «ratio legis» въ данномъ разѣ. Но здравый человѣческій смыслъ, руководимый обычной формальной логикой, не согласится съ голословными обвиненіями о. Аквилонова, ибо о недовѣрїи логикѣ я не говорилъ, а говорилъ о томъ, что *исключительно* при помощи логическихъ построеній, не справляясь съ данными опыта, нельзя придти къ надежному рѣшенію. Вотъ мои слова по поводу выставленнаго о. Аквилоновымъ въ первой статьѣ («Церк. Вѣсти.» 1905 г., стр. 973) положенія, что истинное рѣшеніе каждаго взятаго вопроса обусловливается правильной точкой зрѣнія на предметъ или нахожденіемъ той принципиальной основы, на которой единственно возможно построить вѣрное рѣшеніе:

«Жизненные вопросы не должны рѣшаться *съ одной* принципиальной стороны. Наука и жизнь, теорія и опытъ, каноника церкви и ея практика, только взаимно пополняя другъ-друга, обеспечиваютъ нашему сознанію вѣрность понятій, да и то относительную, по причинѣ измѣнчивости жизни. Всему этому учить насъ жизненный опытъ и потому мы—люди дѣла не можемъ довѣриться *исключительно* логикѣ вообще и въ частности въ вопросѣ о поминовеніи иновѣрцевъ («Вѣсти. Воен. Дух.», 1905 г., стр. 717). «При самомъ уважительномъ отношеніи къ церковнымъ канонамъ раньше или позже, прямо или косвенно, но неизбѣжно, мы заставляемъ поднять вопросъ о ratio legis, вопросъ, не о сущности понятія закона, но о существенномъ и дѣйствительномъ, а не номинальномъ отношеніи закона къ жизни» (тамъ же).

Въ этихъ словахъ едвали можно заподозрить «боязнь логики». На противъ, ей отводится именно должное *мѣсто въ жизни*, а не въ «воздушныхъ» или «заоблачныхъ сферахъ» теоретика, игнорирующаго показанія жизни и данныя опыта. Мы видимъ даже изъ примѣра самаго о. Аквилонова, что выходитъ изъ попытокъ построить «единственно вѣрное рѣшеніе вопроса на принципиальной только основѣ»: въ первой статьѣ онъ нашель основу въ понятіи о церкви и рѣшилъ, что не должно совершать церков-

ныя моленія о непринужденности къ церкви («Церк. Вѣстн.», стр. 973) и въ частности — паннихиды надъ иновѣрцами; во второй же статьѣ, очевидно, на той же принципіальной основѣ, онъ строитъ утвержденіе, что было бы поразительно, если бы служители алтаря перестали совершать моленія о здравствующихъ Карлахъ, Абдуль-Гамидахъ и въ то же время считаетъ (съ принципіальной точки зрѣнія конечно?) преступнымъ и смѣшнымъ совершать паннихиды надъ этими лицами въ храмѣ въ случаѣ ихъ смерти («Хр. Чт.», стр. 589, 591).

По поводу указанія критика на боязнь взглянуть на данный вопросъ принципіально, я прежде всего спросилъ бы, какимъ образомъ онъ находитъ не пустымъ занятіемъ и не наивнымъ отысканіе принципіальной основы, отысканіе принципіальнаго рѣшенія того вопроса, который принципіально и категорически рѣшенъ самимъ Господомъ, заповѣдавшимъ любовь ко врагамъ и молитву за нихъ (Мѡ. V, 43—48)? Или ему непонятно и сомнительно это рѣшеніе Божественнаго Учителя? Конечно, подъ принципіальнымъ (но не единственнымъ, какъ думаетъ о. Аквилонъ) взглядомъ, можно понимать взглядъ на извѣстный предметъ съ такой или иной болѣе или менѣе общей точки зрѣнія. Но въ отсутствіи такого взгляда скорѣе повиненъ о. Е. Аквилонъ, построившій рѣшеніе вопроса о паннихидахъ на буквальномъ значеніи опредѣленія Св. Синода отъ 10—15 марта 1847 г. и на одномъ изъ признаковъ понятія о церкви, тогда какъ мы, отнесшись критически къ мнѣнію митр. Филарета, легшему въ основу того опредѣленія и опредѣливши ratio Синадальнаго опредѣленія (въ смыслѣ временной мѣры церкви), соотнесли выдвинутый практикою церкви вопросъ къ основнымъ требованіямъ христіанства въ Св. Писаніи. Въ своемъ выводѣ мы не разошлись съ Св. Писаніемъ и Церковью и это уже одно свидѣтельствуетъ о томъ, что мы вѣрно поняли ratio legis, чего нельзя сказать о проф. Е. Аквилонѣ, вынужденномъ во второй статьѣ не только отодвинуть подальше свою принципіальную основу и измѣнить формулировку вопроса (сравни: «Церк. Вѣстн.» № 31, стр. 973 и «Хр. Чт.», стр. 599), но и приняться за завѣдомо невѣрное толкованіе мѣстъ изъ Св. Писанія («Хр. Чт.», стр. 586, 587) и за ругань косвенно даже по адресу того самого митр. Филарета, мнѣніе котораго принято имъ въ основу статьи¹⁾. Впрочемъ, послѣднее съ

1) На стр. 598 своего труда въ «Хр. Чт.», по поводу іерея, поминавшаго иновѣрцевъ про себя, о. Аквилонъ восклицаетъ: «Какое низкое пресмыкательство и, особенно, недостойное православнаго пастыря фарисейство!» Между тѣмъ извѣстно, что митр. Филаретъ разрѣшалъ поминовеніе иновѣрцевъ даже на проскомидіи. (Письмо Филарета къ Виталію).

о. Аквилоновымъ случилось вѣроятно непредвидѣнно и просто въ силу обыкновенія, по которому названный профессоръ не можетъ обойтись безъ хвастовства, злословія и перевиранія. Вотъ, и послѣ выписаннаго раньше ряда, рѣшительно ни на чемъ не основанныхъ возраженій, о. Аквилоновъ хвастаетъ, что «сейчасъ не оставитъ камня на камнѣ отъ разсужденій оппонентовъ» (стр. 585) и затѣмъ «проѣзжается» на мой счетъ такъ: «Поставивъ роковой вопросъ о ratio legis и отвѣтивъ на него отрицательно, утверждая, что церковный канонъ, съ относящимися къ нему толкованіями не опирается на ученіе Св. Писанія, второй мой оппонентъ, священникъ о. Антонъ (почему не Антоній?) Гриневицъ, очевидно, самъ считаетъ себя вмѣщающимъ искомое ratio. Чтожъ? Дай Богъ каждому дружить съ логикой; но только боюсь, какъ бы названный возражатель не оказался въ числѣ «западнаго сословія любомудрцевъ», выражаясь словами св. «Димитрія Ростовскаго» («Хр. Читъ», стр. 585).

Ничего не сказавъ въ этихъ словахъ по существу какого либо изъ моихъ возраженій, о. Аквилоновъ однако во всемъ блескѣ проявилъ свое «обыкновеніе». Въ данномъ случаѣ ему, надобно полагать, помогла специальная логика, ибо я и не думалъ отрицать ratio legis, полагая, что отрицать ratio legis также нельзя, какъ отрицать, т. е., признавать несуществующую идею реального предмета. Ratio legis существуетъ до тѣхъ поръ, пока живетъ существующій lex, который и вмѣщаетъ въ себѣ этотъ ratio. Можно удивиться профессору, выразившему пожеланіе, что бы человекъ (какъ бы онъ не назывался—это пустое) вмѣстилъ въ себѣ ratio legis, для чего, по его мнѣнію, слѣдуетъ только вести дружбу съ логикой и не быть «въ западномъ сословіи любомудрцевъ»... Если бы о. Аквилоновъ былъ самъ въ дружбѣ съ логикой и не принадлежалъ, по его остроумному выраженію, къ «западному сословію», онъ бы не заставлялъ насъ объяснить ему—профессору, что ratio legis человекъ можетъ понять, и знать, но не вмѣщать его въ себѣ, такъ какъ ratio legis—это есть смыслъ закона, его суть, это есть фокусъ, въ которомъ запроэктировано законодателемъ скрещеніе идеала съ жизнью и понять ratio даннаго legis, значить, опредѣлить мѣсто этого закона по отношенію къ идеалу съ одной стороны и жизни съ другой, указать на фактическую живую связь его съ дѣйствительностью.

Оставляя безъ возраженій молодого самоувѣреннаго, но и явно-безнадежнаго попытку автора доказать, что моленіе за усопшихъ инославныхъ противно ученію Христа Господа и св. апостоловъ и отрицается разумомъ церкви

(«Хр. Чт.», стр. 586—590)¹⁾, я однако считаю умѣстнымъ отвѣтить на слѣдующія, прямо ко мнѣ обращенныя слова: «Постановленіе Св. Синода... согласно съ грамотой вселенскаго патріарха... не по оскудѣнію ratio legis (?), а въ силу неодолимой логики церковно-религіозной жизни, богослужебной практики и священныя канонѣвъ, нисколько не трепещущихъ испытующей мысли современнаго человѣка», хотя бы въ лицѣ о. Гриневича, который «не затрудняется подвергнуть безпощадной критикѣ» дѣйствующее церковное постановленіе, но за то не берется «предсказать, каковъ будетъ результатъ этой критики» («Вѣст. Воен. Дух.», стр. 719). Что постановить по разсматриваемому предмету всероссійскій церковный соборъ,—это дѣло его и будущее, а отъ себя отвѣчу о. Гриневичу—теперь уже поздно предсказывать, что «лживы сынове чловѣчестіи въ мѣрилѣхъ еже неправдовати» («Хр. Чт.», стр. 590).

Для того, чтобы обнаружить своеобразіе логики и этики о. Аквилонова для насъ достаточно будетъ привести выдержку, на которой онъ построилъ свою удивительную критику. Указавъ, что ссылка на мнѣніе митр. Филарета въ оправданіе отказа отъ совершенія паннихиды надъ иновѣрцемъ, не достаточна при всей авторитетности святителя-канониста, мы писали: «Испытующая мысль современнаго человѣка не затруднится подвергнуть безпощадной критикѣ мнѣніе митр. Филарета и трудно предсказать, каковъ будетъ результатъ этой критики. Для насъ по крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что, какъ мы намѣрены въ дальнѣйшемъ изложеніи показать мнѣніе митр. Филарета недостаточно обосновано, хотя и безусловно принято проф. Аквилоновымъ» («Вѣст. Воен. Духов.», стр. 719).

Напоминая о. Аквилонovu наши подлинныя слова, мы на обращенный имъ къ намъ отвѣтъ, можемъ сказать: не шутите въ серіозномъ дѣлѣ и будьте правдивы.

Къ глубокому сожалѣнію, съ такимъ предложеніемъ приходится обращаться къ о. Е. Аквилонovu, не въ одномъ, а во многихъ случаяхъ. На 595 стр. «Хр. Чт.» онъ, напримѣръ, утверждаетъ: «Священникъ о. Гриневичъ собственно съ того и началъ свою крайне запутанную и выдающуюся по примѣрной бездоказательности статью, что

¹⁾ Такія возраженія, можетъ быть, сдѣлаетъ проф. В. Соколовъ съ которымъ, главнымъ образомъ, на этихъ страницахъ ведетъ полемику о. Аквилонovъ.

набросалъ печальную картину душевныхъ в мукъ «одной старицы-игуменнѣ». Далѣе приводится разсказъ старицы о благотворителѣ монастыря, римско-католикѣ графѣ, по которомъ въ монастырѣ было совершено поминовение». («Хр. Чит.», стр. 595).

Я, разумѣется, нисколько не претендую на одобреніе о. Аквилонова и нисколько не обижаюсь на его рѣзкій отзывъ о моей статьѣ: статья безъ всякаго задору, но полная доводовъ противъ взглядовъ, съ которыми профессоръ выступилъ въ «Церк. Вѣстникѣ», и не могла, конечно, ему понравиться... Допускаю также вполне, что по логикѣ о. Аквилонова, эта статья бездоказательна, но въ такомъ случаѣ, какъ понять то, что о. Аквилоновъ прятеть отъ читателя ея содержаніе? Въдѣ свою статью я начиналъ вовсе не разсказомъ старицы, а къ разсказу перешелъ по ясно намѣченному въ статьѣ плану, да и выводъ изъ разсказа сдѣлалъ совѣмъ не въ тонѣ «жалобной мелодіи», о которой упоминаетъ полемистъ, а къ тому, чтобы обнаружить близорукость о. Аквилонова, полагавшаго, что причина уклоненія священниковъ отъ соблюденія Синод. Опредѣленія отъ 10—15 марта 1847 г. — измѣна правдѣ, «рабское человѣкоугодничество» и «завѣдомо ложныя мнѣнія» («Церк. Вѣст.», 1906 г., № 31, стр. 975; «Вѣстн. Воен. Дух.», стр. 715). Не довѣряя выводамъ о. Аквилонова въ виду односторонности и несостоятельности принятаго имъ метода, я старался провѣрить ихъ, сказавъ:

«Пусть намъ жизнь наглядно покажетъ этихъ измѣнниковъ правдѣ во всеоружіи ихъ рабскаго человѣкоудія и «завѣдомо ложныхъ мнѣній» (стр. 715).

Въ справкѣ изъ жизни фигурировала у меня и почтенная старица, анализъ разсказа которой на ряду съ другими фактами изъ практики церковно-религіозныхъ отношеній совершенно опровергъ правдивость вывода о. Аквилонова о «человѣкоугодничествѣ» и проч.. Нѣсколько ниже въ своей статьѣ о. Аквилоновъ смѣется, что «мать игуменья и сестры вздумали «утѣшаться» паннихидой по скончавшемся благотворителѣ» и вмѣстѣ съ стѣмъ выражаетъ мнѣ «удивленіе» въ виду моего «сочувствія игуменнѣ» и стремленія изо всѣхъ силъ доказать каноническую законмѣрность такого паннихидо-служенія». Мнѣ, кажется, о. Аквилоновъ не смѣлся бы, если бы имѣлъ случай не для полемики, а ради собственнаго назиданія прочесть внимательно хоть Ев. ст. Луки, ст. 32—34, V-й главы, принявъ во вниманіе, что благодарность наша должна проявляться и въ молитвѣ за благодѣ-

лей (2 Тим. 1, 16—18), молитвъ не только при ихъ жизни, но и по смерти (Быт. 41, 45; 45, 16—20). Тогда бы о. Аквилоновъ не вышучивалъ благодарности, составляя такой литературный винигретъ:

«Уча благодарности (къ чему завелъ о ней рѣчь о. Гриневичъ?), Христосъ, добавимъ отъ себя возражателю, заповѣдалъ также и слушать церковь (Мѣ. XVIII, 17)—это, во первыхъ, а во вторыхъ, какое отношеніе имѣеть разсказъ объ исцѣленіи прокаженныхъ къ нашему предмету? Усопшій иновѣрецъ и—чувство благодарности православныхъ къ Богу да еще за панихидой—нѣчто прямо уму не постижимое!» (601, «Хр. Чт.»).

Очевидно трогательное повѣствованіе евангелиста Луки объ исцѣленіи прокаженнаго (Лук. 17, 15—19) не внушаетъ о. Аквилонову мысли о благодарности къ Богу и благодѣтелямъ, а смыслъ православной панихиды, ея богатое идейное содержаніе, до сихъ поръ для него закрыты. Вспомнилъ бы хоть стихиру «*придите послѣднее цѣлованіе*», которую знаетъ каждый православный христіанинъ, съ ея выразительнымъ: «*благодаряще Бога*»... Это дѣйствительно «нѣчто прямо уму не постижимое!»...

Намъ остается отвѣтить еще на одно мѣсто статьи о. Аквилонова, предназначенное нашему вниманію. На стр. 599 «Христ. Чт.» о. Аквилоновъ пишетъ: «Священникъ о. Гриневичъ, «касясь» мнѣнія митр. Филарета о недозволительности панихидъ въ храмѣ по иновѣрцахъ (*моя формулировка*; самъ же о. Гриневичъ ни разу не формулировавшій ясно и точно рѣшаемаго вопроса, очевидно, не вѣдалъ, о чемъ онъ собственно писалъ), нашель съ своей стороны, что оно «не опирается на ученіе Св. Писанія» («Вѣст. Воен. Дух.», 719).

Противъ этого, оставляя безъ вниманія странные укоры въ безсознательности писанія, долженъ сказать, что вопросъ въ статьѣ «Панихиды надъ иновѣрцами» («Церк. Вѣстн.» 1905 г., № 31 и № 35) проф. о. Аквилоновымъ формулировался разно: сначала въ 1 и 2-й главѣ это былъ вопросъ о «домовыхъ панихидахъ»—т.-е. формулировка изъ опредѣленіи Св. Синода отъ 10—15 марта 1847 г.; съ третьей же главы вопросъ принимаетъ нѣсколько иную формулировку—о недозволительности церковныхъ молитвъ за непринлежащихъ къ церкви, затѣмъ—работа автора приводитъ къ формулировкѣ «православная церковь, какъ опредѣленное и имѣющее свои строго очерченныя границы не можетъ допустить церковной молитвы (панихиды) по умершимъ иновѣрцамъ-христіанамъ». Такимъ образомъ, формулируя въ послѣдней статьѣ тотъ же вопросъ, какъ вопросъ о недоз-

воленности (не молитвъ вообще, а) панихидъ и при томъ въ храмѣ (а не демовыхъ), прот. о Е. Аквилоновъ, какъ будто бы проявляетъ намѣреніе «отступить въ порядкѣ».

Свою полемическую статью проф. прот. Е. Аквилоновъ кончаетъ тѣмъ, съ чего началъ, т. е., самовосхваленіемъ за самоотверженное служеніе истинѣ. Онъ при этомъ указываетъ на два течения, ясно обозначившіяся по вопросу о панихидахъ, течения, расходящіяся, будтобы, въ діаметрально-противоположныя стороны. Мы думаемъ, что эти течения не такъ были бы діаметрально-противоположны, если бы наши противники съ большимъ вниманіемъ относились къ источнику истины—Св. Писанію и главное, если бы не обостряли полемику, обобщая эту борьбу съ борьбою между прогрессомъ и реакціей во внѣ-церковномъ мірѣ, къ чему, повидимому, склоненъ и о. Аквилоновъ («Хр. Чт.», стр. 583, 585, 589, 590, 592 и др.). Помимо того, что такія обобщенія и исходяшіе отъ нихъ намеки да покаянія вредятъ отчетливости сужденій, они болѣе всего не благопріятствуютъ тому, чтобы, какъ справедливо выразился уважаемый полемистъ, «взыскать мира» честнаго, конечно, мира, —мира христіанскаго.

Свящ. Антонъ Ю. Гриневичъ.



ПАМЯТНАЯ ВѢТКА (1).



Простая вѣтка гаюляна!

Ты для меня равно свята;

Росла ль въ поляхъ у Ляюна.

Иль подь Мугденомъ ты взята.

Калѣка мнѣ тебя доставиль,

Онъ былъ израненъ, безъ руки,

Съ тобой печаль навѣгъ оставиль,

Печаль до гробовой доски!

Войдя ко мнѣ, онъ поклонился

И началъ тихо рѣчь держать:

— «Найди я васъ едва добился

А смерти мнѣ не долго ждать!

(1) «Доброе Слово» 1906 г. № 35, стр. 1240.

Тагъ вотъ боялся не исполнить
Того, что крѣпко обѣщалъ!
Что-жь? коль правду смѣло молвить:
Вашъ братъ примѣръ всѣмъ подавалъ
Въ одномъ полку мы съ нимъ служили;
Онъ баринъ,¹⁾ — я простой солдатъ
Но битвы насъ давно сдружили,
— Сдружилъ и злобный супостатъ!
Въ одномъ шатрѣ мы съ нимъ лѣжились,
И дѣло на поправку шло,
Да раны снова загноились,
Когда заразу занесло.
Онъ былъ герой съ тремя крестами,
Четвертаго «Егорья» ждалъ!
Но гдѣ же знать, что будетъ съ нами?
И Богъ ему свой крестъ прислалъ!
Просилъ, предъ тѣмъ какъ онъ скончался,
Коль попаду въ столицу я,
Васъ розыскать, со мной прощался
И умеръ, полкъ и васъ хваля...
Какія вещи у вояки?
Въ тылу онъ не былъ никогда;
Коль было что? пропало въ дракѣ,
Терялось многое тогда.
И какъ потомъ я ни старался,
Его вещей не могъ сыскать;
Напрасно тоже я пытался
Про нихъ хоть что нибудь узнать.
Иначе я-бы безъ сомнѣнья
Ихъ вамъ сберегъ-бы, какъ сумѣлъ;
Но завѣщать свои имѣнья
Дано не каждому въ удѣлъ!
Гобрелъ тогда я на могилу
И вырвалъ вѣтку изъ земли,
Хранилъ ее я черезъ силу,
Пока сюда не довели.»
Мой гость замолкъ и прослезился,
Молчалъ тоской убитый я,
А самъ безъ словъ, въ душѣ молился.
О, братъ! какъ я люблю тебя!
— А гдѣ его похоронили? —
Спросилъ я гостя наконецъ.
— По разнымъ мы мѣстамъ бродили!
Отвѣтилъ опытный боецъ.

¹⁾ Солдаты о вольноопредѣляющихся часто говорятъ — «баринъ».

— Сперва я мѣсто помнилъ вѣрно,
 Но, какъ я снова захворалъ.. .
 Пришлось тогда мнѣ очень скверно:
 Я память вовсе потерялъ.
 Всѣ офицеры перебиты.. .
 Помѣтокъ не было у насъ.
 Герои много забыты.. .
 Да я въ отставку не въ запасъ.. .
 Опять всплакнулъ жалка воинъ
 И, замолчавъ, главой поникъ.
 А я? могу ли быть спокоенъ?
 О, помози! Священный Ликъ!
 Мнѣ не найти родной мосилы,
 Годами хоть ее ищи.
 Но вѣтка!.. ты поддержишь силы!
 И, человекъ! не ропщи!
 И друга брата успокоя,
 Слезой я вѣтку соросилъ,
 Надеждъ несбыточныхъ не строя,
 Ее въ божицу положилъ.

П. Н. Герасимовъ.

„ПОПРОБУЙТЕ“

(Изъ воспоминаній священника).

Вспомнилъ мнѣ совѣтъ одного любознательнаго собесѣдника моего, во время переѣзда изъ В. въ Н—въ. Черезъ годъ возобновилась рѣчь съ нѣкоторыми интеллигентными лицами о томъ же предметѣ, и въ заключеніе предложенъ тотъ же совѣтъ, даже высказалось горячее желаніе группы военнаго мірка: «Попробуйте, о. А!»

Нынѣ, такъ именуемое, «освободительное движеніе». Подъ знаменемъ его пишутъ, говорятъ, спорять, дѣлаютъ многое... Благо «свобода дана»... Почему не дать свободы и высказанному желанію. Мысли выльются не пло-

хія. А кому онѣ не по-праву и не по-вкусу, такъ на всѣхъ вѣдь не угодишь, просили меня «попробуйте». Берусь за перо и «пробую».

По поводу чего же? Задушевный и простоватый отвѣтъ: «Попробуйте сказать гласно о *танцахъ*».

Къ лицу-ли духовному лицу рѣчь держать объ этомъ? Вѣдь здѣсь звучитъ модно-свѣтскимъ...

Не торопитесь, читатель. Недоумѣнный вопросъ слышался мнѣ отъ многихъ и многихъ. Авторъ хочетъ и надѣется видѣть въ читателѣ какъ христіанина, коему дорога чистота нравственности, такъ и честнаго, благомыслящаго гражданина, коему необходима разумная жизнь въ обществѣ. Тотъ и другой не могутъ закрывать глаза отъ тѣхъ явленій жизни общественной, кои могутъ вліять и вліяютъ на нравственность. Христіанскій принципъ опредѣляетъ и можетъ установить направленіе нравственно-общественныхъ условій. Удовольствія входятъ въ кругъ этихъ условій. Къ нимъ относятся и *танцы*. Посему эти условія могутъ быть обсуждаемы и провѣрены съ точки зрѣнія принципозъ христіанства: что позволительно или не допустимо, что терпимо или предосудительно, хорошо или худо.

Но, если въ такомъ тонѣ пойдетъ сужденіе, то по принципамъ Евангельскаго закона и правиламъ Церкви долженъ быть прознесенъ въ отношеніи многихъ современныхъ удовольствій обвинительный приговоръ!

Слышится и по сію пору это «мірское» возраженіе. Но мнѣніе ошибочное.

Христіанство оправдываетъ стремленіе человѣка, какъ разумнаго земнаго существа, къ счастью, къ радостямъ и утѣхамъ земнымъ, и не запрещаетъ ихъ.

Христіанская религія не требуетъ, какъ нѣчто и безусловно обязательное, чтобы всѣ ходили съ поникшими головами, съ мрачными и печальными лицами, и чтобы всѣ непрестанно плакали, грустили, изнывали. Жизнь — даръ Божій, и наслажденіе благами ея — естественно, законно и неизбежно. *Радуйтесь всегда о Господь, и еще говорю, радуйтесь.* Этотъ мудрый апостольскій совѣтъ (ап. п. Филип. 4,4) долженъ быть убѣдительнымъ въ томъ же смыслѣ, и укоризненнымъ по адресу ограниченно-узкаго пониманія христіанства о задачахъ жизни человѣка. Какъ будто и Христосъ и Церковь *только* и внушаютъ слова катихизиса: «помни де, человѣче, судъ, смерть и адъ». Должно и эту истину помнить, и знать, и чувствовать во всю жизнь свою. Но нравственно-христіанскія указанія какъ ни строги и

внушительны, не исключаютъ внѣшнихъ общественныхъ удовольствій, какъ развлеченій и пріятныхъ отдохновеній отъ житейскаго безпрерывнаго труда, отъ тяжелыхъ думъ и тревогъ сердца. Христіанская нравственность обращаетъ при этомъ вниманіе на *условія*, подъ которыми развлеченія позволительны и въ извѣстной степени нужны и полезны, и на *отношенія* чело­вѣка къ удовольствіямъ, чтобы онѣ не переходили за черту благоразумія и законности. По своему предмету пустыя и по цѣли предосудительныя, по свойствамъ—грубо чувственныя и возбуждающія порочныя страсти—могутъ ли быть терпимы такія удовольствія, и какъ онѣ опасны, когда составляютъ главную цѣль желаній и становятся господствующимъ занятіемъ въ жизни! *Горе смѣющимся!* Слышится неумолкающей и вынѣ этотъ укоръ величайшаго законодателя Христа. Т. е. горе тѣмъ, которые хотятъ только въ жизни своей забавляться и наслаждаться, и почитаютъ этотъ путь главнымъ благомъ, подобно евангельскому богачу, который, соображая свои доходы, говорилъ съ чувствомъ пресыщеннаго самоудовольствія и самонадѣянности: *душа, покойся, ѣшь, пей, веселись* (Лук. 12, 19).

Въ частности, что же сказать о *танцахъ*?

Танцы, какъ выраженіе пріятнаго настроенія, встрѣчаются у всѣхъ народовъ, образованныхъ и не культурныхъ, у евреевъ, язычниковъ и христіанъ. Преимущественно танцы распространены у народовъ высшей степени культурности, и у нѣкоторыхъ—входятъ въ порядокъ богослуженія въ честь и прославленіе своихъ боговъ. Благоговѣйно-религіозная настроенность дикаго народа, выражающаяся въ разнообразныхъ фигурахъ танца, походила скорѣе на дѣтскую забаву: *чрезъ танцы* дикарь или язычникъ молится, радуется и наслаждается безоотчетно, по-дѣтски.

Танцы въ христіанскихъ обществахъ, принявшіе видъ удовольствій, получили значеніе удовольствій позволительныхъ, распространенныхъ въ такой мѣрѣ, что *отношеніе* къ нимъ не всегда заслуживаетъ одобреніе. Не разборчивость во времени, нескромность, шумность не въ мѣру, не гигиеничность—эти условія придали общественнымъ танцамъ опасность для нравственнаго чувства. Вотъ почему противъ нихъ раздается много и сильныхъ голосовъ.

Трудно назвать танцы дѣломъ нравственнымъ. Ни въ древне-отеческихъ, ни тѣмъ болѣе—апостольскихъ, твореніяхъ не найдется ни одного изреченія, въ смыслѣ толкованія въ пользу этого развлеченія. Тѣ-же изреченія въ нихъ, въ коихъ говорится объ удовольствіяхъ, дозволенныхъ для хри-

стіанина, такого рода, что ихъ не возможно отнести къ танцамъ. Читаемъ у ап. Павла (въ посл. къ Ефес. 5) настоятельные совѣты избѣгать въ взаимныхъ частныхъ и общественныхъ сношеніяхъ *всякой* нечистоты, сквернословія, пустословія, смѣхотворства, неприличія въ движеніяхъ. Въ танцахъ и пляскахъ не допускаются-ли многія или подобныя симъ проявленія и наклонности? Мудрые учителя Церкви открыто упрекали язычниковъ—римлянъ и грековъ и христіанъ, подражавшихъ образу ихъ жизни, за танцы. Ефремъ Сиринъ называлъ ихъ «безмысленной забавой и радостнымъ праздникомъ діавола», а Амвросій Медиоланскій «подводнымъ камнемъ невинности и могилою нравственности». Время отцовъ Церкви, правда, было языческое, и писанія ихъ направлялись противъ нравовъ и понятій современниковъ, значить и противъ танцевъ съ языческимъ характеромъ. Но танцы нашего вѣка далеко-ли ушли отъ старо-языческаго духа, не лежить-ли и на нихъ отпечатокъ «могилы нравственности»? Балетныя танцы, канканъ, разнообразныя польки, головокружительныя вальсы... не даютъ-ли волѣ танцующихъ всю страстность ощущеній, не скрываютъ-ли въ своихъ фигурахъ соблазна, опасность для невинности и нравственности?... Извѣстный философъ Ж. Ж. Руссо возставалъ противъ такого удовольствія, предостерегая молодыхъ людей отъ увлеченій танцами, какъ пагубными для возраста обоюго пола. Опытъ даетъ яркіе примѣры, какъ отъ танцевъ гибнетъ здоровье тѣла, время теряетъ цѣну, рзстраиваются лучшіе порывы сердца и, не-секретъ, созидаются утонченныя чувственныя наслажденія. Если вы, любители ощущеній, хотите видѣть въ танцахъ упражненіе въ ловкости и вообще—привлекательной манерности или временно отдать дань веселости и живости и страхнуть съ себя дневную монотонность: то сумѣйте соблюсти благовременность, побережъ чистоту нравственного чувства, сохранитъ благопристойность и благонравіе, и проникнуться мыслию отдохновенія и невиннаго—радостнаго взаимнообщенія. Это—совѣтъ; это—и жизненное снисхожденіе. Но... основной взглядъ *на танцы* и ихъ значеніе остается въ силѣ и безъ ограниченій.

Закончимъ наше «попробуйте» обращеніемъ къ молодому поколѣнію словами латинскаго изреченія: *qui proficit in litteris, sed deficit in vita, plus deficit, quam proficit*. Т. е. кто успѣваетъ въ наукахъ, а не успѣваетъ въ жизни (или худо живетъ), тотъ болѣе не успѣваетъ, чѣмъ успѣваетъ (тотъ скорѣе идетъ назадъ, чѣмъ впередъ):

Итакъ, друзья,
 Повѣрьте слову:
 Въ вихрь свѣта въ міръ здѣшнемъ,
 Въ ежедневной суетѣ
 Исчезаетъ въ сердцѣ грѣшномъ
 Вся забота о душѣ...
 Удовольствій свѣтскихъ море
 Всѣхъ воднуетъ каждый часъ;
 Свѣжесть силъ, здоровье—вскорѣ
 Исчезаютъ, гибнутъ въ насъ.
 Гдѣ тутъ думать о небесномъ
 И къ спасенію путь искать?
 Нынѣ—балъ, въ кругу извѣстномъ,—
 Какъ на немъ не побывать?
 Завтра въ клубъ или театрѣ;
 Тамъ за городомъ—гулять;
 Тамъ въ веселомъ маскарадѣ...
 Рвемся время убивать.
 Такъ проходятъ дни за днями
 Непримѣтной чередой;
 А межъ тѣмъ вездѣ за нами
 Смерть идетъ съ своей косой.
 Нѣтъ! Средь шума ликованій,
 Обыденной суеты,
 И души святыхъ желаній
 Никогда не забывайте вы!

Пр. З.

Объ открытіи столовой-читальни въ Очаковской крѣпостной артиллеріи.

3-го апрѣля текушаго 1906 г. при Очаковской крѣпостной артиллеріи состоялось открытіе столовой-читальни для нижнихъ чиновъ.

На освященіи присутствовали: г. комендантъ крѣпости г.-м. В. Н. Григорьевъ, командиръ артиллеріи полковникъ А. П. Востросаблинъ, начальники частей гарнизона, весь составъ гг. офицеровъ артиллеріи, дамы и нижніе чины.

Передъ молебномъ протоіерей военного собора о. Бартеневъ въ прекрасной рѣчи подробно остановился на значеніи столовой-читальни, направленной

къ сближенію между собой товарищей, къ воспитанію, къ повышенію нравственнаго уровня, къ искорененію пьянства. Перечисливъ внѣшнихъ враговъ нашихъ съ древнѣйшихъ временъ и наши надъ ними побѣды, батюшка указало на нашу преступную слабость въ борьбѣ съ истиннымъ внутреннимъ врагомъ—пьянствомъ.

Послѣ молебна г. комендантъ горячо благодарилъ командира артил., устроителей и батюшку за его прекрасную рѣчь и бесѣды съ нижними чинами, принесшія уже благіе результаты.

Передъ нижними чинами комендантъ пояснилъ пользу устройства столовой-читальни и прибавилъ, что рядомъ съ удовлетвореніемъ духовной потребности они найдутъ здѣсь и удовольствія въ играхъ, танцахъ, концертахъ, спектакляхъ, для чего устроена сцена. Генераль подчеркнулъ отрадное явленіе—замѣтное уменьшеніе безобразій отъ пьянства, призывалъ старшихъ нижнихъ чиновъ, болѣе развитыхъ, дружно объединиться и своимъ примѣромъ, развитіемъ, внушать хорошія начала своимъ младшимъ товарищамъ. Рѣчь свою комендантъ закончилъ пожеланіемъ здравія Государю Императору и провозгласилъ «Ура!» Слова коменданта покрыты были многократнымъ дружнымъ «Ура!» и народнымъ гимномъ. Съ послѣдними звуками взвился занавѣсъ и со сцены раздалось торжественное пѣніе народнаго гимна. Это пѣли нижніе чины, любители пѣнія, управляемые ш.к. Солоповымъ.

По подписаніи г. комендантомъ крѣпости правилъ пользованія столовой-читальней, командиръ артиллеріи А. П. Востросаблинъ приглашалъ артиллеристовъ въ свободное время посѣщать столовую-читальню, гдѣ они найдутъ и добрый совѣтъ старшихъ товарищей, и хорошую книгу, и удовольствія. Приглашалъ въ нуждѣ за совѣтомъ обращаться къ офицерамъ, «а то и ко мнѣ, братцы!» Приглашалъ забыть былыя безобразія, пьянство, призывалъ подтянуться.

Капитанъ Барановъ, продекламировалъ «Возрожденіе весны», провелъ параллель о возрожденіи гражданской свободы, а также напомнилъ о нашихъ трехъ основныхъ недостаткахъ—грѣхахъ: разрозненности, темнотѣ непроглядной и пьянствѣ. Рѣчь свою ораторъ закончилъ призывомъ—слиться воедино, воспрянуть духомъ на защиту отечества и Государя Императора.

Вся обстановка скромнаго торжества производила впечатлѣніе тѣснаго единенія начальства съ подчиненными.

Столовая довольно простая, свѣтлая. У стѣнъ разставлены небольшіе, чистенькіе, приличные столики на 46 человѣкъ. По стѣнамъ развѣшаны

портреты Государя Императора, Государыни, Наслѣдника, генераль-фельдцейхмейстера, начальствующихъ лицъ, а также картины съ выдающимися эпизодами изъ военныхъ событій. Въ глубинѣ сцена, отлично устроенная. Вниманіе привлекаетъ передній занавѣсъ. Оборудование театра обошлось свыше 150 руб., не считая рабочей силы и писанія декораций, на что ушло около 2-хъ мѣсяцевъ труда поручика В. В. Стукова. Читальня снабжена газетами, журналами, книгами. Имѣется буфетъ, гдѣ всегда можно найти чай и недорогія закуски. Всѣ праздничные дни команды по очереди ходили на спектакли и танцевальные вечера. Знакомые нижнихъ чиновъ и семейства обывателей приглашаются по билетамъ. На вечерахъ замѣтна непринужденность, искреннее веселье и образцовый порядокъ. Часто приеутствуютъ начальствующія лица съ семействами. Предпраздничные разговоры то безпорядкахъ оказались напрасными. Кругомъ тихо.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ АДМИРАЛТЕЙСКІЙ СОБОРЪ ВО ИМЯ СВЯТИТЕЛЯ СПИРИДОНА, ТРИМОУНТСКАГО ЧУДОТВОРЦА.

(Продолженіе).¹⁾

Бывшій въ 1833 году пожаръ въ церкви Св. Спиридона.

Смотритель зданія Главнаго Адмиралтейства майоръ Киткинъ, рапортомъ отъ 7-го іюня 1833 года, за № 306, донесъ дежурному генералу мор. штаба Его императорскаго Величества, что «въ церкви св. Спиридона, состоящей въ зданіи Главнаго Адмиралтейства, какъ предполагать должно, отъ упавшей искры на столъ, гдѣ была салфетка съ панихидными свѣчами, случилось въ 2 часа пополудни возгорніе иконостаса съ праваго клироса, отчего сгорѣла мѣстная икона Спасителя, но такое несчастіе тотчасъ же было прекращено своими способами безъ дальнѣйшаго поврежденія»²⁾. По поводу этого событія, по Высочайшему повелѣнію назначено было произвести, при надлежащихъ депутатахъ, слѣдствіе: отчего именно произошелъ пожаръ и если въ церкви оставлена была послѣ литургіи зажженная свѣча, то кто въ семъ виноватъ. Въ исполненіе таковой Высочайшей

¹⁾ См. «Вѣстн. Воен. Дух-ва» № 17, стр. 536.

²⁾ Дѣло главнаго морского штаба канцелярія дежурнаго генерала 7 іюня 1833 г., № 128 (2637), объ изслѣдованіи причинъ возгорнія иконостаса въ церкви Главнаго Адмиралтейства.

воли, частный приставъ Чирловъ, при участіи депутата со стороны морского вѣдомства полковника Балашева, произвелъ слѣдствіе, при чемъ оказалось слѣдующее:

«Находящіеся прикомандированными къ оной церкви въ должности сторожей рядовые служительской команды строительнаго департамента по морской части: Филиппъ Максимовъ, Леонцій Егоровъ, Семень Клементьевъ и Осипъ Кузьминъ, въ отобранныхъ подпискахъ, показали: Максимовъ, что онъ по обязанности своей, въ день происшедшаго пожара по окончаніи священникомъ Тарасіемъ въ церкви св. Спиридона литургіи, при бытности его, церковно-служителей и всѣхъ сторожей, погасилъ всѣ зажженные свѣчи предъ образами, какъ равно и на столикъ, поставленномъ на правой сторонѣ церкви близъ алтаря предъ иконостасомъ для свѣчей къ поминовенію усопшихъ: лампады же, въ коихъ горитъ деревянное масло предъ четырьмя образами, оставались непогашенными, въ которыхъ таковое горитъ и во время дня, а когда вышли изъ церкви священникъ съ причтомъ и бывший народъ, то убравши, что нужно изъ церкви, съ товарищами ушелъ для обѣда въ сторожку, тутъ же при церкви устроенную, оставя церковь запертою сторожемъ Егоровымъ на ключъ. Послѣ сего во второмъ часу пополудни, торгующій на бульварѣ противу церкви пряничникъ вбѣжалъ въ корридоръ и закричалъ изъ дверей сторожевой комнаты, что въ церкви пожаръ, почему онъ съ товарищами побѣжали вверхъ по лѣстницѣ, а Кузьминъ схватя въ комнатѣ ключи, отперъ двери, и по входѣ въ церковь, мы усмотрѣли, что горитъ на упомянутомъ столикъ одежда, самый столикъ и часть иконостаса. Тогда онъ, Максимовъ, схватя утвержденныя на древкѣ щипцы, поднялъ тотъ столикъ съ растопившимися на немъ восковыми колодками, вынесъ на средину церкви и, опрокинувъ оный, съ помощію пришедшихъ на сей случай постороннихъ неизвѣстныхъ ему людей, разломалъ, чѣмъ и огонь былъ прекращенъ: товарищъ его, Клементьевъ, вынося изъ алтаря два мѣдныхъ чайника съ водою, заливалъ оною затлѣвшійся иконостасъ и разломанный столикъ, и, когда такимъ образомъ прекратили весь огонь, прибыла еще отъ полиціи изъ Адмиралтейства команда съ пожарными инструментами. Огъ какой же именно причины загорѣлся тотъ столикъ, онъ не знаетъ, ибо свѣчи, какъ выше показано имъ, были погашены, а полагаетъ, что случай сей послѣдовалъ отъ упавшей во время богослуженія со свѣчи искры въ одежду столика, но сего онъ при тушеніи свѣчей не замѣтилъ и запаха отъ тлѣнія не чувство-

валь, равно сама онаго не зажигалъ и подозрѣнія ни на кого изъ товарищей не имѣеть. Такое показаніе въ всемъ утвердили товарищи его: Егоровъ, Клементьевъ и Кузьминъ съ дополненіемъ, что въ зажигательствѣ столика ни на кого подозрѣнія не имѣютъ и сами онаго не зажигали и что въ должностяхъ они состоятъ при церкви: Егоровъ засвѣщать въ алтарѣ во время богослуженія свѣчи и гасить по окончаніи онаго; Клементьевъ при продажѣ свѣчей, а Кузьминъ звонить въ колокола, но обязанность ихъ всѣхъ есть смотрѣть за порядкомъ въ церкви. Церковный староста, купеческій сынъ Ѳедоръ Ребровъ, показалъ, что въ день случившагося пожара при богослуженіи въ церкви не былъ, а находился по обязанности въ отсутствіи за покупкою разныхъ церковныхъ потребностей, а когда возвратился насу во второмъ пополудни въ церковь для посылки кого либо изъ сторожей въ гостинный дворъ за купленными вещами, то уже столикъ, на которомъ стояли восковыя колодки, называемыя сорокоюсть, былъ среди церкви разломаннымъ и совершенно потушеннымъ, равно и огня нигдѣ не было, подозрѣнія въ семь происшествія ни на кого не имѣеть, а полагають, что случай сей произошелъ отъ зававшей искры при тушеніи свѣчей. Настоятель Исаакіевскаго собора, благочинный протоіерей Іаковъ Воскресенскій въ отзывѣ своимъ изъяснилъ, что отъ чего такое возгорѣніе произошло, совершенно неизвѣстно, а съ вѣроятностью можно полагать, что оное случилось или отъ упаденія отъ свѣчей съ лампы искры на стоящій подлѣ иконы Спъсителя столъ съ панихидными колодками, или отъ упаденія искры въ стоящій подлѣ него ящикъ съ огарками, что подозрѣнія ни на кого не имѣеть, ибо церковные сторожа находились въ сторожевой комнатѣ, а изъ лицъ, принадлежащихъ также къ церкви, равно изъ постороннихъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода къ такому подозрѣнію; поведенія же церковные сторожа хорошаго и должности свои исполняли усердно. Рядовой Яковъ Васильевъ, стоявшій на часахъ въ воротахъ Адмиралтейства подъ шпиремъ, показалъ, что онъ, увидя бѣгущихъ къ церкви и узнавъ причину онаго, далъ знать о пожарѣ смотрителю Адмиралтейства майору Киткину. Федфебель Павелъ Шепляковъ отозвался, что, по приказанію г. Киткина, онъ, собравъ вахтеровъ и служителей, съ ручными пожарными машинами прибылъ въ церковь, но уже огонь былъ потушенъ. Съ таковымъ показаніемъ вахтера, унтеръ-офицеръ Семень Лебедевъ, Лавръ Бонинъ, Ивановъ и Ѳедоръ Шепейковъ показали во всемъ согласно. Священникъ Тарасій Дремяцкій въ объясненіи, а дьячки церкви Яковъ

Невенскій, Александръ Лебедевъ и Филиппъ Шиповъ изъ отобранныхъ, при бытности со стороны духовнаго депутата протоіерея Ерофеева, подпискахъ, показали, что отъ чего послѣдовалъ пожаръ, они ничего не знаютъ и подозрѣнія ни на кого не имѣютъ, и изъ нихъ первые три исполнили, что во время служенія литургіи въ церкви все было благополучно, смрада или какого запаха они не замѣтили и не слышали. Вахтеръ унтеръ-офицеръ Афанасій Ильинъ на спросъ показалъ, что онъ надъ церковными сторожами здѣсь поименованными имѣетъ надзоръ, на счетъ происшедшаго пожара ничего показать не можетъ, ибо съ утра того дня находился въ церковномъ домѣ для надзора за работами, производившимися въ ономъ, равно и подозрѣнія ни на кого не имѣетъ, прежде же этого времени сторожъ Максимовъ, послѣ окончанія богослуженія, свѣчи всегда гасилъ всѣ безъ изъятія и таковыхъ горѣвшими никогда оставлено не было. Пряничникъ крестьянинъ г. Наумова Ефимъ Николаевичъ показалъ, что онъ, увидя въ стекло въ окошкѣ церкви внутри оной пламя, побѣжалъ въ сторожевую и закричалъ сторожамъ: пожаръ; сторожа бросились изъ-за стола отъ обѣда, побѣжали въ церковь, разломали горѣвшій столикъ и залили водой, какъ оный, такъ равно и тлѣвшійся иконостасъ; церковь же предъ тѣмъ временемъ была заперта на ключъ и никого посторонняго, кромѣ сторожей, онъ не видалъ и о причинѣ пожара ничего не знаетъ. Командиръ 1-го рабочаго экипажа подполковникъ Черкасовъ въ отзывѣ изъяснилъ, что когда онъ усмотрѣлъ изъ окошекъ церкви дымъ, то послѣшно пошелъ въ оную, гдѣ увидѣлъ горящій на правой сторонѣ иконостасъ, но отъ чего произошло это, онъ ничего не знаетъ».

О результатахъ этого слѣдствія морскимъ министерствомъ 21-го іюля 1833 года и было доложено Его Императорскому Величеству Государю Императору.

Два несостоявшія въ 1857 году предположенія: 1) о припискѣ церкви св. Спиридона къ Исаакіевскому собору, и 2) о закрытіи церкви въ зданіи Адмиралтейства.

Когда новый Исаакіевскій соборъ достроился и сталъ составляться штатъ этого собора въ 1857 году, то возникъ вопросъ о припискѣ Адмиралтейской во имя св. Спиридона церкви къ новому Исаакіевскому собору¹⁾.

¹⁾ Дѣло канцеляріи морского министерства 5857 г., № 235—16205, и дѣло строительнаго департамента морского министерства 1857 г., № 2197 и 5873, относительно приписанія церкви св. Спиридона къ Исаакіевскому собору.

Такъ оберъ-прокуроръ С. Синода графъ Толстой отъ 28 мая 1857 г. за № 3437, сдѣлалъ слѣдующее сношеніе съ управляющимъ морскимъ министерствомъ:

«По случаю составленія штатнаго положенія для Исаакіевскаго собора, Святѣйшій Синодъ находитъ нужнымъ имѣть свѣдѣніе: можетъ ли состоящая въ зданіи Главнаго Адмиралтейства церковь св. Спиридона быть безпрепятственно приписана къ упомянутому собору и на какихъ основаніяхъ».

«Вслѣдствіе сего, имѣю честь обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою о сообщеніи мнѣ заключенія Вашего, Милостивый Государь, по настоящему предмету, буде возможно, въ скорѣйшемъ времени».

Вслѣдствіе чего канцелярія морского министерства запросила мнѣнія по этому предмету: начальника инженернаго и артиллерійскаго училища морского министерства, помѣщавшагося въ то время въ зданіи Главнаго Адмиралтейства ¹⁾, воспитанники коего училища посѣщали церковь св. Спиридона, а главное мнѣнія строительнаго департамента морского министерства.

Начальникъ инженернаго и артиллерійскаго училища, отъ 31 мая за № 716, донесъ, что «въ 3-мъ примѣчаніи къ штату ввѣреннаго ему училища, Высочайше утвержденному, въ 24 день декабря 1856 года, сказано:

«Такъ какъ инженерное артиллерійское училище морского вѣдомства помѣщается нынѣ въ зданіи Главнаго Адмиралтейства, гдѣ имѣется церковь во имя св. Спиридона, то всѣ служащіе въ училищѣ слушаютъ богослуженіе въ семь храмъ; вслѣдствіе чего въ настоящее время чины и воспитанники училища и пользуются въ упомянутой церкви хорами, которые и на будущее время необходимо опредѣлить собственно для училища. Что же касается до приписанія сей церкви къ Исаакіевскому собору, то на это препятствій не имѣется».

Строительный департаментъ отъ 6 июня 1857 года, за № 2501, увѣдомилъ, «что изъ дѣла, вытребованнаго изъ архива сего министерства и производившагося по бывшей исполнительной экспедиціи, видно: что С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ, въ отношеніи отъ 22 декабря 1821 года, за № 364, сообщилъ начальнику главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества, что Государь Императоръ, въ 10 день декабря, ¹⁾ въ настоящее время этотъ фасадъ зданія занимаетъ квартирами управляющаго морскимъ министерствомъ и другихъ высшихъ морскихъ чиновъ.

Высочайше повелѣть соизволилъ: «Устроенную въ зданіи Адмиралтейства *временную* церковь для исаакіевскихъ прихожанъ *оставить непрѣменною и сдать въ вѣдомство морского министерства.*»

«Во исполненіе сего, указомъ Адмиралтействъ-Коллегіи 13 апрѣля 1822 года, за № 3107, на имя исполнительной экспедиціи, предписано было сдѣлать распоряженіе о приѣмѣ въ морское вѣдомство состоящаго въ Адмиралтейской церкви иконостаса со всеми иконами, сколько оныхъ вновь устроено, за исключеніемъ только тѣхъ, кои должно будетъ перенести въ новый Исаакіевскій соборъ, по устроеніи онаго, а также и всехъ прочихъ вещей, которыя не могутъ быть нужны въ новомъ соборѣ. Что же касается до алтарныхъ вещей и до тѣхъ, кои къ ризницѣ принадлежать и въ описи и въ книгѣ о прибылыхъ вещахъ значатся, то оныя вещи, а равно и денежныя суммы не должны входить въ составъ того, что подлежитъ къ сдачѣ въ морское вѣдомство, какъ непрѣмная собственность онаго».

«Основываясь на всемъ вышеизложенномъ, строительный департаментъ съ своей стороны полагаетъ, что *безъ особаго Высочайшаго повелѣнія, состоящая въ зданіи Главнаго Адмиралтейства церковь св. Спиридонія не можетъ быть приписана ко вновь отстроенному Исаакіевскому собору, а должна по прежнему оставаться въ морскомъ вѣдомствѣ.*»

По докладѣ вышеприведенныхъ отзывовъ управляющему морскимъ министерствомъ, въ канцеляріи онаго министерства 14 іюня 1857 года отъ имени управляющаго морскимъ министерствомъ вице-адмирала Мѣтлина Его Императорскому Высочеству генералъ-адмиралу великому князю Константину Николаевичу былъ составленъ докладъ, въ коемъ управляющій морскимъ министерствомъ, приведя все вышеизложенныя данныя, представляетъ слѣдующее *довольно неожиданное заключеніе о совершенномъ закрытіи церкви* въ зданіи Адмиралтейства:

«Представляя обо всемъ этомъ на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Высочества, имѣю счастье доложить, что я, со своей стороны, полагалъ бы не имѣть вовсе церкви въ зданіи Адмиралтейства, потому *во первыхъ*, что существующая нынѣ церковь во имя св. Спиридонія была первоначально усроена для прихожанъ Исаакіевского собора *на время* постройки сего послѣдняго; *во вторыхъ*, что близость означеннаго собора въ Адмиралтейству даетъ возможность воспитанникамъ инженернаго и артиллерійскаго училища морского вѣдомства слушать богослуженія въ со-

борѣ, а въ *третьихъ* и потому еще, что, съ упрядненіемъ церкви св. Спиридонія можно будетъ воспользоваться занимаемымъ ею мѣстомъ, чтобы улучшить помѣщеніе въ зданіи Адмиралтейства различныхъ частей морского вѣдомства».

«Если Ваше Императорское Высочество изволите одобрить вышеизложенное мнѣніе мое, то на приведеніе онаго въ исполненіе необходимо будетъ испросить Высочайшее разрѣшеніе Государя Императора, такъ какъ церковь во имя св. Спиридонія оставлена *непремѣнною* по повелѣнію Его Императорскаго Величества».

На этомъ докладѣ рукою генералъ-адмирала было написано: «Представить мнѣ этотъ докладъ по возвращеніи Государя».

Кѣмъ этотъ докладъ былъ представленъ на воззрѣніе Государя Императора, изъ дѣла не видно. Но только дѣло это окончилось тѣмъ, что Государь Императоръ не соизволилъ ни на приписку церкви св. Спиридонія къ *Исаакіевскому собору*, ни тѣмъ паче, ни ея закрытіе, а приказалъ «оставить церковь въ *настоящемъ* ея помѣщеніи и состоять ей по *прежнему* въ вѣдомствѣ морского министерства», что видно изъ слѣдующаго донесенія министра Императорскаго двора графа Адлерберга къ генералъ-адмиралу отъ 27 іюля 1857 года:

«Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: по освященіи *Исаакіевскаго собора*, устроенную въ зданіи Главнаго Адмиралтейства церковь во имя *Спиридона Тримифійскаго* оставить въ *настоящемъ* ея помѣщеніи и состоять ей по *прежнему* въ вѣдомствѣ морского министерства».

О сей Высочайшей волѣ имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества.

(Продолженіе впрѣдъ).

Дневникъ полкового священника, служившаго на Дальнемъ Во-
стокѣ въ весь періодъ минувшей русско-японской войны.

(Продолженіе). 1)

18—22-е іюня.

«Батюшка! безъ пяти минутъ три часа: вставайте», слышу голосъ солдата. Вскочилъ я: голова тяжелая: почти не спалъ. Быстро встали всѣ, попили чаю и... «сбѣдай, къ конямъ!» Побѣхали. Началось... Господи, благослови! По диспозиціи весь отрядъ раздѣлился на три колонны. Правую колонну составили Уральская бригада, двѣ конно-охотничьихъ команды съ двумя пушками; среднюю—наша драгунская бригада, 1-й Верхнеудинскій казачій полкъ, четыре охотничьихъ команды и десять пушекъ; лѣвую—кавказская казачья дивизія, Забайкальская бригада и 24 пушки. При нашей колоннѣ находился самъ ген. Мищенко. Въ 16-ти верстахъ къ югу отъ д. Ляоянвоу японцы занимали сильныя позиціи; ими укрѣплены деревни Сан-вайза, Вандяганза и Чансамбатенди, а также лежащія за этими деревнями холмы. Укрѣпленія состояли изъ нѣсколькихъ рядовъ окоповъ, волчьихъ ямъ и засѣкъ. По диспозиціи предстояло средней колоннѣ остановиться у деревни «Цудіюпа» и отсюда усиленно обстрѣливать артиллерійскимъ огнемъ непріятельскія позиціи, выжидая результата дѣйствій остальныхъ колоннъ, которыя должны были съ двухъ сторонъ обойти японцевъ; затѣмъ предполагалась общая атака позицій. Необходимо было выяснить, какія войска японцевъ стоятъ предъ нами и въ какихъ силахъ. Еще не разсвѣло, какъ слѣдуетъ, и звѣзды ярко блестѣли, когда мы выступили. Начальство не здоровалось, чтобы не производить шума. Приказано итти быстрѣе. Рысью прошли мимо насъ охотники; за ними тронулись мы въ Ляоянвоу, гдѣ къ намъ присоединился ген. Мищенко. Пропустивъ казачьихъ казаковъ, мы продолжали итти. Шли крупнымъ шагомъ безъ остановки три часа, остановились у деревни Цудіюпы и поставили орудія на позицію. 2-й эскадронъ пошелъ занимать сторожевое охраненіе и прикрывать коноводовъ охотниковъ, которые, сбѣшившись вмѣстѣ съ казаками Верхнеудинцами, закрепились въ передовой цѣпи. 5-й эскадронъ сталъ въ прикрытіе 4-й батареи, остальные были тутъ же въ резервѣ. Въ 7^{1/2} час. утра послышались глухіе пушечные выстрѣлы—это завязала бой правая колонна. Въ 8 час. открыли пальбу по деревнѣ Санвайзѣ и наши десять пушекъ. Я съ штабомъ

1) См. «Вѣстникъ Воен. Дух-ва» за 1906 г. № 18, стр. 574 л. А.

полка сидѣлъ въ рошѣ рядомъ. Громъ и визгъ начались страшные: скоро однако привыкли. Въ 10 час. денщики вскипятили чайку, достали изъ лаваретной линейки хлѣба, колбасы, и подъ грохотъ выстрѣловъ мы подкрѣпились. Такъ шла канонада до 2-хъ час. дня, когда пришло приказаніе нашей колоннѣ передвинуться впередъ, а въ 3 часа мы подошли еще дальше; въ 4 часа ген. Мищенко подалъ сигналъ къ общей атакѣ японскихъ позицій и самъ поскакалъ впередъ. Резервъ нашъ подошелъ еще ближе и сталъ у горы не далѣе версты отъ д. Санвайзы. Чудный видъ боя открылся предъ нашими глазами! Безъ бинокля ясно видны позиціи противника; тамъ идетъ адская ружейная стрѣльба; внизу подъ нашими ногами палятъ пушки; слѣва кавказская дивизія галопомъ несется въ атаку; съ нашей горы подъ командой самого командира нашего полка полковника фонъ-Кауфмана понесся на японцевъ 6-й эскадронъ, за нимъ 3-й и 2-й. Подскакали почти къ деревнѣ, быстро спѣшились и бросились въ штыки. Справа лѣзли на гору пѣхотные охотники. Сердце замирало, глядя на все это. Непріятельскіе холмы курились отъ разрывовъ нашихъ снарядовъ. Наконецъ раскатистое мощное «ура» донеслось до насъ. «Взяли, взяли», слышу крики вокругъ себя. Дѣйствительно, ясно видно, какъ наши драгуны, казаки и охотники помчались впередъ. Все преодолѣли: и ямы, и засѣки, и рвы, выбили японцевъ отовсюду, и онѣ бѣгутъ. Бой такъ разгорѣлся, что офицеры не могли остановить солдатъ и едва спасли отъ смерти 11 захваченныхъ японцевъ.

(Продолженіе впередъ).

Содержаніе. Часть офиц.: 0 подпискѣ на «В. В. Д-ва» на 1907 г. — 0 подпискѣ на духовно-нрав. и патріотич. журналъ «Доброе Слово» и политич., церк., педагогич., общ. и литер. газету «Славянинъ». — Часть неофиц.: Объ истинной свободѣ. — Еще о паннихидахъ надъ иновѣрцами. — Памятная вѣтка. — Попробуйте. — Объ открытіи столовой-читальни въ Очаковской крѣп. артиллеріи. — С.-Петерб. адмиралт. соборъ во имя св. Спиридона, Тримиунтскаго чудотворца (продолженіе). — Дневникъ полк. священника, служившаго на Д. Востокѣ (продолженіе).

Редакторъ, Прот. **Іоаннъ Таранецъ.**

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается.

С.-Петербургъ, 22-го Сентября 1906 г.

Старшій цензоръ, Архимандритъ *Филаретъ.*